

УДК 821.111'04

**ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПАЛОМНИЧЕСТВА
В АНГЛИЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****И.Л. ЗАБОГОНСКАЯ***(Полоцкий государственный университет)*

Дается исторический анализ становления главных концепций паломничества в эпоху средневековья как основополагающую для генезиса этого понятия. Эти концепции нашли отражение во многих литературных произведениях данной эпохи, трансформировавшись в мотив паломничества.

Понятие «паломничество» предполагает путешествие верующих к «святым местам» в надежде получить «сверхъестественную помощь», «озарение». У христиан «паломничества» начались с путешествия в Палестину, откуда паломники привозили пальмовую ветвь... Кроме Палестины католики посещали Рим, Лорето, ... православные – гору Афон (Греция)» [1, с. 361]. Но понятие «паломничество» могло подразумевать не только буквальное, физическое путешествие. Традиция использования его переносного значения сложилась ещё с IV века, и тогда оно уже могло обозначать духовное становление в течение жизни. Далее это второе значение стало превалировать. Со временем появилось ещё один вид паломничества, состоящий в удалении от мира и совершении внутреннего духовного путешествия. Одна из ведущих исследовательниц английского средневековья Дайас Ди утверждает, что «со времени появления христианской церкви понятие «паломничество» включало мозаику идей, иногда дополняющих друг друга, а иногда противоречивых» [2, с. 5].

Изгнание Адама из Рая может быть представлено как первая значительная парадигма паломничества, сыгравшая огромную роль не только в становлении самой идеи христианского паломничества, но и в литературе. Жизнь – это изгнание, спасение в путешествии, Адам – первый паломник. А в Новом Завете к идее паломничества как духовного (морального) становления в течение жизни добавилась идея путешествия к Небесному Дому. Здесь Иисус – пилигрим – чужак, олицетворяющий непостоянство, временность этого мира. В ранней церкви модель Адама реализовывалась в жизни монаха, духовное путешествие которого проходило в келье, его метафорической пустыне.

В то же время начал расти интерес к святым местам, «когда Константин в 312 году начал возродить святые места... основывая культы мучеников» [2, с. 15]. Тогда-то и начинается развиваться противоречие между «вездесущностью» Бога и верой, что посещение определённых мест может дать благословение, благодать. Изначально место приобрело статус религиозно значимого в связи с мученичеством, затем в связи с различными святыми. Когда же захоронения были признаны местом взаимопроникновения земного и небесного, началась погоня за останками, так как они тоже считались носителями святости.

Таким образом, уже в литературе раннего Средневековья присутствуют эти два направления, назовём их «духовным» (или «моральным») и «физическим паломничеством по святым местам» (далее «физическим»). Они настолько распространены и переплетены в английской поэзии и прозе того периода, что могут считаться ключевыми мотивами.

Для литературы раннего Средневековья, отражающей новозаветное понимание паломничества, характерны следующие положения: 1) осознание того, что человечество находится в состоянии духовного изгнания (земля лишь временная остановка); 2) решение провести жизнь в поиске другой цели; 3) совершение паломничества по жизни к пониманию того, что земные удовольствия и достижения преходящи и тщетны. Но не менее значимым оставалось и «физическое» паломничество.

Уже в древнеанглийском своде «Book of Exodus», одном из 4 наиболее значимых стихотворных сборников, относящихся к X веку, можно найти подтверждение всему вышесказанному в текстах «The Wanderer» и «The Seafarer».

«The Wanderer» (странник, скиталец) – своего рода «вариация на обычную для этого периода тему изгнания и общественного осуждения» [3, с. 23]. Это элегический рассказ одинокого человека, который описывает трудности своей жизни. Герой рассказывает, что потерял своего хозяина и теперь его глазам предстаёт горькое видение ледяных волн, морских птиц и зимнего холода. Теперь его родиной стала пустыня изгнанника, образ которой создаётся при помощи точных метафор. Здесь присутствует и образ моря – такое значимое в древней истории поселенцев острова, оно становится разделяющей чертой. Его пустота и зимняя стужа олицетворяют разлад в человеческих отношениях, одиночество, разрыв и изгнание. Странник утешается собственной мудростью, приобретённой через терпение и смирение перед богоданной судьбой: «никто не станет мудрецом без доли зим, назначенных ему» (no man grows wise without he have His share of winters, lines 64 – 72) [4, с. 93].

Поэма проникнута глубоким ощущением отчуждения того, кто потерял родину, родных и повелителя и вынужден пуститься в плавание в поисках нового господина. «Странник погружается в печальные воспоминания о прошлом; ему кажется, что он вновь «находится в пиршеской зале, обнимает и целует любимого вождя и кладет свою голову и руки к нему на колени – очевидный намек на дружинный обычай. Тем тягостнее пробуждение от этих воспоминаний: он видит, как «птица бурунов купается в морской пене», и «снег падает с темного неба»» [5, с. 67]. Эти картины так конкретны, что кажутся записью личных впечатлений. Далее следуют более общие картины опустошений, которые видит странник: «повсюду встречает он голые стены без крыш, открытые ветрам и буре, богатые палаты, ставшие развалинами. Лишь в последнем стихе есть какой-то проблеск надежды, какой-то темный намек на грядущую радость с небес, в котором можно усмотреть след христианского миропонимания» [6, с. 15]. Алексеев усматривает именно в этом причину того, что «многие исследователи относят это произведение к периоду датских вторжений IX века, которые разрушали англосаксонскую культуру и вызвали «пессимистические» настроения в англосаксонской поэзии. Возможно, впрочем, что стихотворение это имеет и более древнюю основу, но подверглось впоследствии переработке» [6, с. 16].

И идея непостоянности всего земного нашла отражение здесь: «мудрец поймёт, как это будет страшно, Когда все блага мира обратятся в прах» (*A wise man may grasp how ghastly it shall be When all this world's wealth standeth waste, lines 73 – 84*) [4, с. 93].

В этом произведении мы сталкиваемся с понятием «странник, скиталец». Английский эквивалент этого слова «wanderer» происходит от древнего западногерманского «wandrōjan» и сохранил значение «бесцельно блуждающий, покинувший своё место, отбившийся от своей группы» [7, с. 532] и в древнеанглийском. Здесь же появляется и слово «Weird» (судьба), обозначающая неподвластную человеку силу, чужую волю: «волею Судьбы мир будет изменён» (*Weird's will changeth the world, lines 106 – 115*) [4, с. 93].

Второе произведение такого же плана «The Seafarer» (Морепоплаватель). Датировка этого памятника колеблется между VIII и X веками. Первые стихи поэмы дают удивительные по мужественной красоте картины зимнего океана. «Поэт, от лица морепопавателя, описывает жестокую стужу. Суставы его цепенеют, ноги примерзают к кораблю; ливень вместе с градом обрушивается на его голову; бури истощают его силы; кругом мрак, голод и одиночество. Он слышит тоскливые крики морских птиц, летящих над волнами, и в их голосах для него оживают воспоминания о прошлом: «Но сердце моё рвётся из груди, Дух мой рвётся вместе с волнами, Над родиной кита (море), рвётся далеко. К пространствам земли, и вновь возвращается назад Пылающий и жадный: кричи, пустынная птица; Толкая моё сердце непреодолимо по дорожке китов, По волнам океана»» [6, с. 15] (*and yet my heart wanders away, My soul roams with the sea, the whales' Home, wandering to the widest corners Of the world, returning ravenous with desire, Flying solitary, screaming, exciting me To the open ocean, breaking oaths On the curve of a wave*) [8, с. 25]

Такая судьба взывает к тем, кто является странником в душе. Именно их М. Цветаева в своём переводе стихотворения Ш. Бодлера «Плавание» назвала «племя бегунов» [9, с. 187]. Кажется, что положение героя возбуждает и манит его. Изгнание Морепопавателя добровольно, он не отвергнут и не потерял покровительство, и это не воля рока. Постепенно повествование создаёт впечатление, что, «хотя Морепоплаватель и находит удовольствие в жизни на берегу, он не доверяет ей до конца. Для него кукушка, которая является предвестником лета на суше, всего лишь напоминание о смене времён года, тогда как крик морской птицы призывает его вернуться к беспокойным морским волнам» [3, с. 24].

В конце поэмы повествователь устанавливает новую оппозицию, к которой подводило всё предыдущее действие. Земля представляет преходящую и обманчивую природу мира, которой противостоят Небеса, и только там может быть создано настоящее надёжное пристанище для странствующей души: «Судьба сильнее И Бог могущественнее, чем разум любого человека. Нам следует устремить свои помыслы туда, где наш дом, Найти дорогу туда» (...*Fate is stronger And God mightier than any man's mind. Our thoughts should turn to where our home is, Consider the ways of coming there*) [8, с. 26]. Здесь же появляется и образ «утомлённой души» (*wearry soul*). Как видим, идея вечного добровольного скитания появилась гораздо раньше тех эпох, которые традиционно характеризуются расцветом рефлексии и психологизма в литературе.

В обеих поэмах две темы переплетены сходным образом: описание судьбы изгнанника в германском родовом обществе и прохристианский вывод о нестабильности мирского счастья. Здесь можно усмотреть и классические параллели, «так как подобная ситуация и тема широко представлены в древней латинской литературе. Монолог изгнанника, например, можно найти у Вергилия. Противопоставление ничтожности наших ускользающих жизней и картин более постоянного благоденствия в ожидаемом будущем могло быть почерпнуто у Бозция» [5, с. 67]. С образами моря, корабля, пловца устойчиво связана идея движения, перемещения в пространстве, которая затем трансформируется в более общую идею вечного странствия.

В этих произведениях несомненно сочетание меланхолической рефлексии и морализаторской идеи, которая могла быть результатом влияния, оказанного латинской поэзией и культурой, занимавшей умы образованных англичан в раннем средневековье.

Итак, и в том и в другом произведении можно усмотреть тесное переплетение мирского и духовного понимания изгнания и те приоритеты, которые людям следует сохранять, проходя испытания этого мира. Соответственно тесно переплетены и два способа паломничества – духовное (изгнанное человечество, временность всего земного, поиск Небесного пристанища для «усталой души») и физическое (оппозиция земля – море). Различие между двумя поэмами в том, что изгнание Странника не добровольно, а история Мореплавателя может воодушевить тех, кто уже выбрал божественный путь самопожертвования. Странник, понимая свою отверженность, не знает верного способа изменить жизнь, но всей душой к этому стремится. Утверждая тщету земных благ, он ищет не столько их, сколько душевного пристанища, хотя бы и в лице нового господина. Это цель его физического паломничества. Духовное же паломничество может закончиться лишь обретением настоящего вечного покоя в Царстве Божьем.

Церковно-дидактическая литература XII века тоже даёт нам образец «паломничества» в «Нравственной поэме». Автор поэмы говорит «о мучениях душ, повергаемых то в сильный жар, то в страшный холод, которые мечтают то о палящем огне, то о цепящем морозе и нигде не могут найти себе покоя, как волны, вздымаемые ветром. Это души тех, кто был непостоянен..., тех, кто не знал, чего хотел» [6, с. 79].

Итак, мы видим, что в английской литературе раннего Средневековья мотив паломничества представлен довольно наглядно и тесно переплетён с мотивом странствия. Причём «паломничество» – более общее понятие, включающее в себя «странствие» как один из синонимических вариантов для обозначения морального паломничества. Не менее очевидны и те противоречия, которые заключены в сочетании физического и духовного паломничества. Но не только в литературе шла борьба между этими двумя разновидностями путешествия, но и в религии возникали споры о необходимости или бессмысленности паломничества по святым местам.

С введением института индульгенций в 1095 году началась новая волна паломничества. Накануне Реформации популярность путешествия по религиозно значимым местам всё ещё была высока, несмотря на многочисленные нападки с разных сторон. И лолларды были не единственными противниками подобной практики. Самое знаменитое англоязычное произведение основоположника движения лоллардов Викифа «Калитка» «построено на аллегорическом уподоблении человеческой жизни странствованию, с целью достижения настоящего жилища» [6, с. 103]. Не этот ли мотив был озвучен и в «Страннике»?

Два основных довода против физического паломничества состояли в том, что в так называемых «святых местах» не было ничего такого уж достойного и заслуживающего внимания, и в том, что путешествие по гробницам и другим святыням – всего лишь пустая трата энергии и средств. Эти религиозные противоречия представлены в произведении Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (1362 – 1390).

Вся поэма построена вокруг понятия морального паломничества человеческой жизни, приверженцем которого и был сам Ленгленд. Уже в первых строках мы встречаем слово «Wandrynge» (которое, как мы помним, включает в себя семантику бесцельности) при описании реального странствия, оно и задаёт критический тон всему произведению. Ленгленд видит в физическом паломничестве отрицательную сторону, представляя его лишь показателем человеческой греховности и недостатка полезной деятельности. Герой отправляется бродить по свету без особой цели: «Надел я грубую одежду, как будто я был пастухом, Платье пустытника, вовсе не святого по своим делам, И пошёл бродить по этому широкому свету, чтобы послушать о его чудесах» [10, с. 43]. Ленгленд подчёркивает, что паломничество отнюдь не идентично святости и благочестию, и цель странствия героя далеко не религиозна.

Эта мысль подтверждается на протяжении всего повествования. Например, рассказывая о пилигримах и паломниках, которые уговорились отправиться вместе в Рим, он утверждает, что их целью было приключение, о котором они «могли потом лгать всю жизнь» [10, с. 47].

Странствие по святым землям ни на миг не приближает человека к искомой цели – Правде, Истине, пониманию себя и своего места в мире: «Они зывали ко Христу и его Пречистой матери, Чтобы получить милость идти с ними искать Правду. Но среди них не было человека, настолько мудрого, чтобы он знал туда дорогу, И потому они блуждали, как звери, по берегам и холмам» [10, с. 205]. И лишь простой труженик, который не тратил свою жизнь на бесплодные странствия, а безропотно и терпеливо делал своё дело, смог открыть им этот путь: «Вот путь туда,... Вы должны идти через Кротость, как мужчины, так и женщины, Пока не придёте к сознанию, что Христос знает правду, Чтобы вы любили господа бога нашего больше всего» [10, с. 209]. А когда люди придут к этому, то «Если Милость позволит тебе войти таким путём, Ты увидишь в себе самом, что правда сидит в твоём сердце» [10, с. 213].

Значит, именно сердце человека, его душа – то самое место, где можно найти все ответы с божьей помощью. Это и есть та единственная «святыня», которую следует искать, и путь к которой может быть

длиною в жизнь. Человеческое прегрешение стало причиной не только физического изгнания из Эдема, но и духовного отделения от Бога. Жизнь человека должна стать путешествием обратно к Творцу.

Идея Ленгленда заключается в том, что моральное паломничество жизни состоит в исполнении своей предопределённой роли в социальной и моральной сфере, а не в напрасной трате времени и сил на настоящие путешествия сомнительной ценности. Мотив физического паломничества в «Петре Пахаре» служит дидактическим целям: показывает тщетность подобного поиска Истины, порождает желание вернуться к Богу и заставляет героя (сновидца) сменить бесцельное странствование по миру на духовное паломничество на протяжении своей жизни.

Некоторое время спустя (1426 – 1430), Джон Лидгейт переводит около 24 000 строк из «Странствований человеческой жизни» Гийома Дегилевилля. Как и «Пётр Пахарь», произведение представляет собой дидактическую религиозную аллегория. Не будучи оригинальным, английский вариант играет важную роль, так как «представляет собой свод взглядов и представлений о человеческой жизни и судьбе, характерный для всей эпохи средневековья. Здесь мы найдём типичные фигуры Рассудка (Reason), Природы (Nature), Наказания (Penance), Благодати (Grace-Dieu) (совершающей деяния, лежащие вне понимания Рассудка), Труда (Labour) и многих других абстрактных спутников Человека на пути его странствия по жизни» [5, с. 291]. Но не только эти образы роднят «Странствования» с «Видением о Петре Пахаре», но и идея необходимости классового общества и разделения труда, а также утверждение, что «физический труд поддерживает всю общественную структуру» [5, с. 291].

Значимость паломничества в системе образов «Питера Пахаря» сопоставима с «Кентерберийскими рассказами» (1475 – 1480) Джеффри Чосера, где образ паломника является обобщающим. Но, в то время как Ленгленд противопоставляет физическое паломничество духовному, Чосер предлагает третий способ, объединяющий эти два понятия. Герои «Кентерберийских рассказов» вместе отправляются в паломничество, по пути развлекая друг друга различными историями из жизни. Зачастую главной функцией этого путешествия называют функцию «нити», на которую «нанизано» всё повествование, и роль его сводят лишь к элементу композиции произведения. Однако, его значение намного шире.

Впервые мотив паломничества как странствия жизни звучит в «Рассказе рыцаря»: «Что этот мир, как не долина тьмы, Где, словно странники, блуждаем мы? Для отдыха нам смерть дана от бога» [11, с. 101]. Смерть здесь более не ужасная неизбежность, не кара, а, скорее, освобождение от земного несовершенства.

Само взаимодействие, в которое вступают пилигримы на пути в Кентерберии, их рассказы обнаруживают истинное состояние их духовного паломничества, а именно то, в какой точке своего жизненного пути они находятся на данный момент. У каждого из них свой опыт, свои цели, но все они стремятся к святыне – дабы причаститься, искупить грехи, снискать милости Божьей. Но возможно ли осуществить такое покаяние простым актом физического паломничества? Чосер даёт ответ на этот вопрос в «Рассказе священника», который таким образом можно считать ключевым для понимания всего собрания рассказов.

Священник проповедует истинное раскаяние, для которого обязательны сожаление о совершённом грехе и твёрдое намерение не совершать его впредь. Его идея проста: христиане, странствуя по языческому миру к Небесному Граду, сбиваются с праведного пути, поддаваясь семи смертным грехам. А покаянное раскаяние, не ведущее к истинному духовному очищению и благодати, не имеет ни малейшей ценности. Следовательно, само по себе физическое паломничество бессмысленно, если только оно не освящено неугасимым огнём веры. Священник лишь раз упоминает о паломничестве как способе умерщвления плоти, только сопутствующем истинному покаянию. Эти паломники наги или босы, страдания плоти помогают им укротить её, но не ведут к искуплению.

Во вступлении к своей истории священник обещает показать остальным «путь самого совершенного паломничества к Небесному Иерусалиму» (The way of that most perfect pilgrimage To heavenly Jerusalem on high) [12]. А путь этот таков: «Итак, пророк Иеремиа говорит: «встанете вы на перепутье и оглянитесь, и спросите о старых тропах, (что значит, о старой мудрости) где и лежит путь праведный, и последуете им, и найдёте покой для душ ваших», и т.д. Много есть духовных путей, ведущих людей к Господу Нашему Иисусу Христу и к Царству Славы. И среди этих путей есть один прекрасный и правильный, который не обманет ни мужчину, ни женщину, через свой грех сбившихся с верной дороги к небесному Иерусалиму; и этот путь называется раскаянием» (Prophet Jeremiah, ... says thus: "Stand ye in the ways, and see, and ask for the old paths (that is to say, the old wisdom) where is the good way, and walk therein, and ye shall find rest for your souls," etc. Many are the spiritual ways that lead folk unto Our Lord Jesus Christ and to the Kingdom of Glory. Of which ways there is a right noble way and a proper one, which will not fail either man or woman who through sin has gone astray from the right way to the Heavenly Jerusalem; and this way is called penitence) [12].

Искупление в душе человека, и лишь там может лежать его путь. Это и есть тот третий способ паломничества, о котором мы говорили выше – «внутреннее путешествие», суть которого в отказе от

внешнего мира ради внутреннего путешествия сердца, в то время, когда тело остаётся неподвижным. Уединение и изоляция от общества – это тоже путешествие, добровольное духовное изгнание.

Таким образом, эпоху Средневековья по праву можно назвать базовой в отношении формирования исследуемых понятий, так как именно в ней зарождались реалии, им соответствовавшие. В средневековой культуре Англии отсутствовала однозначность в отношении такого понятия, как «паломничество», хотя оно носило ещё сугубо религиозный характер, как и созвучное ему «странствие» (wandering). Именно эти значения преобладали в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеистический словарь / А.И. Абдусамедов, Р.М. Алейник, Б.А. Алиева и др.; Под общ. ред. М.П. Новикова. – М.: Политиздат, 1983. – 559 с.
2. Dee D. Pilgrimage in Medieval English literature, 700 – 1500. – Cambridge: D.S. Brewer, 2001. – 288 p.
3. The Short Oxford History of English Literature. Revised Edition. Andrew Sanders. – New York: Clarendon Press, Oxford, 1996. – 718 p.
4. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. A Text-Book by Martin Lehnert. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1955. – 173 p.
5. English Medieval Literature and Its social Foundations. Unrevised reproduction by Margaret Schlauch. – Warszawa PWN: Polish Scientific Publishers; London: Oxford University Press, 1967. – 366 p.
6. История английской литературы. Т. 1. Вып. I / Под общ. ред. М.П. Алексеева. – М-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. – 383 с.
7. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology Edited by T.F. Hoad. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. – 552 p.
8. English and Western Literature. – US: Mission Hills, California, Macmillan Publishing Company, 1987, 1984. – 974 p.
9. Бодлер Ш. Цветы зла: Стихотворения: Пер. с фр. – М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2004. – 236 с.
10. William Langland. The Vision of Piers Plowman / Пер., вступ. ст. и примеч. акад. Д.М. Петрушевского. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. – 276 с.
11. Чосер Д. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. / Вступ. ст. и прим. И. Кашкина; Ил. Е. Шунаева. – М.: Правда, 1988. – 560 с.
12. Chaucer, Geoffrey, d. 1400. The Canterbury Tales: Electronic Text Center, University of Virginia Library. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/Cha2Can.html>